

Евгений КОРОБЧЕНКО

Красноярск

Евгений Васильевич Коробченко родился в 1941 году в городе Лиски Воронежской области, в семье железнодорожника. В 1949 году пошёл в железнодорожную школу № 9, в 1956 году окончил 7 классов и поступил в Россошанское медицинское училище Воронежской области. По специальности фельдшер. Работал в Тюмени, в областном тубдиспансере. Служил в рядах Советской Армии. Учился в Красноярском государственном медицинском институте, одновременно работал в больнице неотложной хирургии рентген-лаборантом. В 1970 году распределён на работу в Красноярский краевой противотуберкулёзный диспансер. С 1971 по 1986 год работал врачом-рентгенологом в поликлинике КрАЗа. В 1986 – 1991 годах — фотограф крайфотообъединения. С 1991 года — пенсионер и предприниматель (оказывал фотоуслуги населению по 2014 год). Публиковался в журнале «Первая краевая» (журнал Красноярской краевой больницы), в альманахе «Новый Енисейский литератор», в газете «Красноярский рабочий».

ДЕТИ ВОЙНЫ

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 5/2021, 1 – 5/2022

*С Мангрыгиным Володей
Квартиру сняли мы,
В малюсенькой хибарке
Прожили до весны.
Хозяйка — тётя Аня —
Солдаткою была,
Война её супруга,
Как многих, забрала.
Однажды зимним вечером
С расспросами пристал:
«А где ваш муж любимый
На фронте воевал?»
Услышал от хозяйки
Коротенький рассказ,
Сейчас я тут, читатель,
С ним ознакомлю вас:
«Пишлы вси бэзоружни,
Було их там нэмало,
Хвашисты налытили —
Их всих там повбывало»
(«Их только что призывали,
Куда-то повели [безоружных],*

Фашисты налетели —
Все там и полегли»).

Осталось двое деток
Да старенькая мать,
Поэтому студентов
Приходится пускать.
Девчонки две — с хозяйкой
В светёлочке живут,
Мы с другом и бабулей
Ночуем в кухне тут.
День занят «под завязку»:
«Грызём» последний курс —
Уколы, перевязки
Осваиваем тут.
Стоим на операциях
(Тут не придёшь в восторг),
Особо «напрягает»
Нас тот больничный морг:
Прозектор — нос «картошкой» —
Усами шевелит
И с шуткой-прибауткой
Почивших потрошит.
Студентка Клава Кальченко
Со страху говорит:
«Скажите нам, пожалуйста,
Мужчина или женщина
Здесь на столе лежит?»
Прозектор улыбнулся,
Задрав «картошку»-нос:
«А мы сейчас посмотрим —
Заглянем мы „под хвост“...»
Студент наш Виктор Чусов
Вдруг сделал поворот:
«Там, на столе соседнем,
Наверно, идиот...»
Я глянул в его сторону:
Парнишка там лежал,
Опёршись на затылок,
Дугу изображал.

**Первокурсник Россошанского медицинского училища
Евгений Коробченко. 1957 год**

*Под трактор парень юный
Нечаянно попал,
Всю ногу ободрало,
Столбняк его «достал»!
«Улыбкой» сардонической
Студентов он пугал
(Токсин все мышцы судорогой
Парнишке «заковал»)
И снова Клава Кальченко
Произвела фурор,
Когда на операции
Вдруг «грохнулась» на пол.
Успел поймать я Клаву,
Держал вниз головой,
Устроив на колене,
Подняв конец ножной.*

Кончался курс науки,
Шло лето за весной,
Автобус в реку рухнул,
Что звалась Калитвой.
Народу в нём набилось,
Наверно, «за глаза»,
Да что-то отказало:
Иль руль, иль тормоза...
С моста упал автобус,
Что пассажиров вёз,
Один как будто спасся,
Но то — большой вопрос.
Мы кинулись к речушке,
Вдоль берега шагал,
В волнах водицы мутной
«Права» вдруг увидал.
Достал удостоверение
Водителя тогда

Одногруппник Володя Мандрыгин. Россошь, 1958 год

*И понял: в нашу группу
Пришла теперь беда.
Студентки Анны Тесли
Был папой тот шофёр —
Как тут она рыдала,
Я помню до сих пор.
Вот сдали госэкзамен,
Пришёл тот славный день,
Я с фельдшерским дипломом
Отправлен был в Тюмень.
На вечере банкетном
Немного «напились»,
Писать-звонить груг гругу,
Конечно, поклялись.
Странковская-учитель
Была нам словно мать,
В любви ей признавался,
Хотел хирургом стать.
Побыл немного дома,
Вещички я собрал,*

**Хирург Валентина Фёдоровна Странковская (в центре)
со студентами нашей группы фельдшеров. Россошь, 1959 год**

*И поезду пассажирский
Повёз нас за Урал.
Ещё две акушерки
Со мной держали путь,
В Тюмень парней десяток
Сумели «подвернуть».
Но я приехал первым,
Пришёл в облздравотдел,
Какой-то дядька строгий
В отделе том сидел.
«Есть место лаборанта,
Освоите „рентген“,
Даю вам направление
В Тюменский
Противотуберкулёзный
Наш славный диспансер.
Согласны там работать?»
Тут я ответил: «Да!» —
Ведь мне давно знакома
Та фотомаета.
Все остальные парни
На Север погались,
Там где-то по факториям
Потом и разбрелись.
Больница областная
Красивая была,
Здесь, видно, семинария
Духовная была.
Такое помещение
Мне встретилось потом
На службе в Красноярске —
Такой же чудный дом.
Но рядом с той больницей
Старинный был погост,
Могилки разровняли,
Стоял он чист и прост.
На том погосте старом —
Куртины тополей*

Покой здесь охраняли
Лежавших тут людей.
«Рентгеновские» курсы
В больнице проходил,
Работать на погосте
Случайно угодил.
Завхоз просил:
«Ребята, идёт уже мороз,
Копал здесь экскаватор —
Обидно нам до слёз:
Работу не успели
Мы к сроку завершить,
Теперь же надо срочно
Траншею завалить.
Хотя бы меж деревьев
Засыпать её нам,
Ведь никакой бульдозер
Не развернётся там.
За срочную работу
Я щедро заплачу...»
Решили с Эдуардом:
Нам это — по плечу!
(Тот Эдик — сын хозяйки,
Где я квартировал,
Нигде он не работал,
А просто «бичевал».)
Не знали мы, что вырыта
Траншея на погосте,
Но стали попадаться
В гробах истлевших кости.
Обследовал траншею:
На мелкой глубине
Ряды гробов открылись,
Вмурованных в стене.
А стенки боковые
Ковшом повреждены,
Останки человечьи
Отлично все видны.

Возможно, пролежали
Они десятки лет,
Тогда из любопытства
Собрал один скелет.
Устройство человека
Я Эдьке объяснял,
Познаьем анатомии
Пред ним я щеголял.
Но Эдик обалдевший
Сказал: «Обратно всё кидай,
Скорее ту траншею
Землёю засыпай!»
Работали неделю,
Успели завалить,
Себе «сорвали» спины,
И руки стали ныть.
Ходили к Новгородовой
[Августе Ивановне]
Дрова колоть-пилить,
Потом и на квартире
Пришлось у неё жить.
С врачом физдиспансера
[Анатолием Платоновичем
Коротковым]
Квартиру я снимал,
У бабушки-хозяйки
Тогда на «скрыни» спал
[на большом окованном
сундуке].
Закончил курсы вскоре:
И в слякоть, зной, мороз
«Рентгеном» у народа
Искал туберкулёз.
Мне дали флюорограф
[гибрид «рентгена»
и фотоаппарата],
Машину-вездеход [ГАЗ-63],
Которая по грязи
Везде у нас пройдёт.

Водитель передвижного флюорографа Михаил Коверко.
Тюмень, зима 1959 года

*Шофёр Коверко Миша
 Машину ту водил
 И по Тюменской области
 В тот год меня возил.
 Мы ехали в районы,
 Деревни, городки,
 Обслуживали фабрики,
 Что были у реки.
 Бывали в леспромхозах —
 Машина довезёт
 До всех тех поселений,
 Где наш народ живёт.
 Устраивались в клубах,
 Спортзалах, «уголках» —
 О том администрация
 Заботилась пока.
 Шли люди на проверку,
 На плёнку их «снимал»,
 Районный рентгенолог
 Те снимки там «читал».*

Людей с болезнью лёгких
Тут брали на учёт,
Чем больше таких выявишь —
Тем больше и почёт.
От жизни неустроенной
Уходит Михаил,
Потом водитель-пьяница
Вознюк меня возил.
Однажды в рейсе гальнем
Сломал бензонасос,
На улице — за тридцать
Стоял тогда мороз.
Затеяли в кабине
Насос перебирать,
Сменили диафрагму —
А как теперь вставлять?
Озяб водитель шибко,
Не может в блок попасть,
Тогда пришлось мне лично
Шофёру помогать.
Хоть руки «прилипали»
К железу в тот мороз,
Однако исхитрился
«Воткнуть» бензонасос.
На шпильки гайки штатные
С резьбою накрутил
И шайбочки пружинные
Под гайки подложил.
Затяжку, как положено,
Ключами произвёл,
Рычаг качнул подкачки —
Бензин в мотор пошёл!
Потом мы долго ручкой
Крутили заводной,
Мотор «чихал» и «кашлял»,
Но всё же «взял», родной!
Стояли на грунтовке,
Уж надвигалась ночь,

Никто бы нам, конечно,
Не взялся здесь помочь.
Мотор работал ровно,
Тепло в салон пошло
(В полу дыра пробита —
Оттуда и «несло»).

С машиной обращаться
Дядь Лёня научил,
В Сумах на Украине
С семьёй тогда он жил.
Мы в отпуск приезжали —
Давал мне «порулить»:
«Возможно, что придётся
Тебе и шоферить!»

Но вот мотор прогрелся,
Мы тронулись вперёд,
Ведь где-то в райбольнице
Теперь нас отдых ждёт.
Однажды, у шлагбаума
На переезде став,
Увидели светящийся,
Катящийся состав.

Меня воображение
Домой перенесло,
Хотя с шофёром ехали
В сибирское село.
А сердце защемило,
Накатывала грусть,
Решил: «Письмо отправлю,
В котором повинюсь».

На счастье, мне ответила
Любимая моя,
С которой поругался
Перед отъездом я.
О новой переписке
Я маме написал —
Письмо мне переправила,
Что раньше не читал.

Обиделся на маму,
Что стала мне мешать
И письма от любимой
Уж от меня скрывать.
Желанный отпуск близко,
Тут новая беда:
Зачислен военкомом
Я вовсе не туда.
Вписали «рентгентехник»,
А я — лишь лаборант,
И эта невнимательность
Мне больно отдалась.
Был в армию я призван
В то время по весне,
И отгулять свой отпуск
Тогда не дали мне.
Всего одна неделя
Была лишь у меня,
Решил лететь в Воронеж
Хотя бы на два дня.
Там встретил свою Любу,
Жениться обещал,
Хотя там целомудренно
Лишь ночку ночевал.
Назавтра улетаю,
Везут в Новосибирск,
Где в госпиталь военный
Несу свой строгий лист.
Там поджидали техника,
Чтоб им «рентген» чинить,
А я лишь лаборантом
Могу у них служить.
Отправлен был на службу
Я в строевую часть,
Лари чинил в хранилище —
Такая вот напасть.
Капусту мы солили:
В бетонный котлован

Летела стружкой мелкой,
Пока заполнят чан.
Мы в сапогах резиновых
Толкли капусту ту
И в уголке справляли
Здесь «малую нужду».
Уж месяцы проходят —
Невеста всё молчит,
Потом письмо приходит:
«Прощай! — мне говорит. —
Не буду ждать три года,
Другого я нашла...»
Тем рану мне огромную
На сердце нанесла.
Померкла радость жизни,
Был свет уже немил,
Но Бог увидел это —
Работой загрузил.
Пошёл призыв осенний,
И вспомнили меня:
Теперь служу я фельдшером
Уже четыре дня.
Народ всё прибывает,
И каждого прими,
Рост, вес, анамнез, «спиро» —
Всё в книжку запиши.
В тот год в такой «запарке»
Вся осень и прошла,
А тут из Красноярска
Заявочка пришла:
Нуждался срочно в фельдшере
Танкистов целый полк,
Меня начмед отправил:
«Там будет с тебя толк».

Танк броневой
В войну дошёл до Валги
[город в Прибалтике],
В полку мне этом

Довелось служить;
А чтоб в бою
«Железно» был нагёжен,
Тот танк механик
Должен обслужить.
У пушки танка
Должен быть наводчик,
По штату он —
И танка командир,
Ещё один
Танкистам был положен,
Чтоб он в бою
Ту пушку зарядил.
Положен был
Танкист уже четвёртый,
Чтоб курсовой
Строчил наш пулемёт,
Имел он рацию
Надёжную под боком,
Раз командир
С другими связь ведёт.
Но это штат —
На время боевое,
А в мирный день,
В котором я служил,
Один механик
Чудо броневое
Здесь ремонтировал,
Лелеял и холил.
На полигон
Под Таскино катались,
Водили танк
И в слякоть, и в пургу,
А на ученье
Летом выезжали
На танкодром
В сибирскую Юргу.
Тряслись солдаты в кузове,
Вовсю глотая пыль,

На полигон, что в Таскино,
Нас вёз автомобиль.
С горы тогда катились,
Вдруг слышится удар —
Кардан там отвалился
Колёс тех задних пар.
Конец того кардана
По кузову стучал,
Он трубки тормозные
К колёсам разбивал.
На тормоз наш водитель
Ещё успел нажать,
Колёс передних камеры
Успели воздух взять.
Баллон воздушный тормоза
Мгновенно опустел,
В разбитых трубках воздух
Предательски свистел.
Не «сгрейфил» наш водитель:
Баранку он крутил,
Трагедию на трассе
Тогда предотвратил.
Санчасть была
В казарме при солдатах,
Здесь врач иль фельдшер
Вёл больных приём,
Но трижды в день —
Столовую проверить надо,
Всё остальное —
Это уж потом.
Ещё должны
Быть чисты туалеты,
Их граить надо,
Хлоркой засыпать,
Заразу чтоб
Не разнесла по свету
Мушиная огромная
Отъявленная рать.

Медики полкового медпункта (слева направо):
старший фельдшер В. И. Несветаев, врач Г. С. Авин,
санинструктор Е. Коробченко. Красноярск, 1961 год

*Солдата жизнь —
Всегда по распорядку,
«Подъём — отбой»
Научат выполнять,
А по утрам —
Ещё и физзарядка,
И на плацу
Нам «строевым» шагать.
Проходит год
В том ошалелом темпе,
Солдаты службу
Ратную несут.
Мне отпуск дан
Тогда за те успехи,
Что боевыми
Называют тут.*

На десять суток
Был домой отпущен,
Да только сердцу
Места не найду,
Не отпускала
Мать меня к невесте —
Наверно, чуяла
Тогда уже беду.
«Сходи, сынок,
К девчонке Валентине,
Она когда-то
Нравилась тебе,
Из-за неё
Попал ты под машину,
Чем изломал
Тогда судьбу себе.
Однажды к нам
По делу приходила,
Была рабочей
В нашем НГЧ
[наземно-гражданской части
железной дороги],
Я ей служебный
Адрес твой вручила,
Она писала
Письма ведь тебе?» —
«Да, мама,
Так оно и было,
Я ей на письма
Эти отвечал.
Девчонка эта
Очень уж красива,
С ней рядом в школе
Я онемевал».
Мне дверь открыла
Мама Валентины,
Сказала мне:
«Ты письма забери,

Ведь в институт
Валюша поступила!»
Я письма взял,
Их было, помню, три.
Стою, оглох,
Как громом поражённый,
Пронзила сердце
Слов её «шрапнель»,
Потом понял,
Что не нужна им в доме
Моя казённая
Солдатская шинель.
С обидой горькой
Развернулся круто —
Ну что ж, наверно,
Не моя судьба,
Коль мать за дочь
Сама уже решила:
«Зачем красивой
Эта „голытьба“?»
«Хочу в Воронеж съездить,
„Невесту“ повидать». —
«А вдруг „мужлан“ там выйдет
Тебе „накостылять“?» —
«Зато узнаю точно
„Невестино“ житьё,
Пока служу я „срочную“,
Кто „охмурил“ её!»
В кабине тепловоза
В Отрожки прибыл я,
Здесь где-то проживала
Зазнобушка моя.
В трамвае долго ехал,
Расспрашивал народ.
«Шагай, солдатик, смело,
Авось да повезёт!»
Нашёл тот дом знакомый,
Поднялся на этаж,

Квартира та — тринадцать,
Но бьёт меня «мандраж».
Сестра мне дверь открыла,
«Зазнобушку» зовёт:
«К тебе солдат приехал!» —
И в комнату ведёт.
«Любашу вижу дома,
А где же её муж?» —
«Да „муж“ тот „испарился“,
Давно „объелся груш“!»
Сестра за стол накрытый
Зовёт двух сорванцов,
Нас в погреб отрядила —
Взять банку огурцов.
Наверно, подсказало
Ей женское чутьё,
Что обсудить нам надо
Дальнейшее житьё.
В холодном мокром погребе
В душе «пожар» пылал,
Там Любушку-голубушку
Я жарко целовал.
Не знал, что те лобзания
Через десяток лет
Лишь принесут страдания,
Доставят столько бед...
«Заблудшую» невесту
Пока домой везу.
«Женюсь на ней, наверно», —
Я маме говорю.
От яств наш стол ломился,
И мест свободных нет,
Тут мать Любчу спросила:
«Ты замуж вышла?» —
«Пыталась», — был ответ.
Расстроилась мамуля,
Украдкой слёзы льёт,
Соседи веселятся,
Дядь Вася водку пьёт.

Баян берёт он в руки
От фирмы «Ростов-Дон»,
И «волнами Амурскими»
Всё заполняет он.
Грустит отец в застолье,
Не шутит, не поёт,
Лишь молча водки выпьет,
Потом слезу смахнёт.
Уехала невеста,
Родные все коряты:
«Зачем тебе такая?» —
Открыто говорят.
Но я на зов природы
Не дал ответ иной:
«Люблю её, как прежде,
Пусть будет мне женой!»
Ума тогда немного
Нажил я в двадцать лет,
Не знал я: то дорoga
Страдания и бег.
С деторождением связана
Вся женская судьба,
Потомство обеспечить
Не сможет «голытьба».
Она не сразу может
Мужчину полюбить
И долго выбирает,
С кем ей дитя растить.
Мужчина — сразу «вспыхнет»,
Вдруг «факелом» горит,
Ей песни сочиняет,
Стихи ей говорит.
Мужчину зов природы
По жизни здесь ведёт,
За жизнь свою он многим
Тут песенки споёт.
Им женщины красивые
Всегда волнуют кровь,

И возникает часто
Та самая «любовь».
Молоденькой девчонке
Нужны гуша и ум,
А парень в разговоре
Ответит наобум.
Ведь он её не слышит
И мыслит об одном:
«Ах, как её „притиснуть“
Сегодня вечером?»
Солдатский отпуск кончился,
Вернулся снова в часть,
В запас ушёл водитель
[Геннадий Власович Космачёв],
Я изучил матчасть.
В машине разбирался
Пока ещё едва,
Но мог водить машину
И получил права.
Пытался даже танком
Однажды «порулить»,
Но опыт неудачен —
Пришлось повременить.
Процесс учения сложный
Проводит батальон;
Был к полигону Таскино
На зиму прикреплён.
Но так как все здоровы,
Задание дали мне:
Я печку кочегарил
В казарме при луне.
С закрытых артиллерийских позиций
Когда наш танк стрелял,
То стреляные гильзы
В снегу я собирал.
А если кто травмирован —
С бинтами я бегу,
Страдальца забинтовую
И в слякоть, и в пургу.

*Однажды водогрейку
Наш повар отцеплял
[Николай Черкасов],
Прицеп упал на ногу
И косточки сломал.
Шинировал я ногу
И промедол вколол,
Водитель наш Крапивко
Машину тогда вёл.
Доставили мы повара
В наш городской травмпункт,
Потом в военный госпиталь
Продолжили маршрут.
Там месяц пролечили,
Ходил потом едва,
Сказал мне в благодарность
Хорошие слова.
«Встречайте, вылетаю», —
Невеста телеграмму шлёт.
Тут Коля предлагает:
«Пускай у нас живёт».*

Приезд моей супруги в Красноярск.
Наша рота обслуживания, 1961 год

А Галочка-хозяйка
Свидетелем была,
Когда со мной невеста
В центральный загс пошла.
А мой свидетель главный —
Сержант Андрияша Гердт, —
Ведь в Красноярске славном
Один я, «яко перст».
Бутылку «раздавили»
Мы с нашим старшиной
[Пашей Бурцевым],
И стали мы отныне
Здесь мужем и женой.
Но только обустроились —
Тут новая беда:
В Юргу нас переводят
Отныне навсегда.
Супруга стюардессой
Устроилась летать,
А нам на место новое
Придётся уезжать.

Перед выходом в увольнение (слева направо):
сержанты Анатолий Баринов, Андрей Гердт,
Евгений Коробченко. Красноярск, 1962 год

Фельдшер — шофёр санитарной машины.
Город Юрга Кемеровской области, 1963 год

*«Пакуем чемоданы»,
На станцию Бугач
Машину санитарную
Тянул тогда тягач.
Машиной санитарной
В колонне я рулил,
А на Покровском спуске
Едва затормозил.
Пока грузили танки,
Водитель наш Рейнгардт
[Алексей]
Наладил «санитарку»,
Загнал машину в ряд.
Теперь уж на платформе
Стоял «газончик» наш,
В колодки упираясь —
Не взять на абордаж!*

Красноярск, 21 марта – 25 апреля 2022

Продолжение следует